Василий Пьяница

Плавятся-переплавляются через сине море
Два тура однорогие,
Златорогие и одношерстные.
Стречает их родная матушка турица,
Однорогая и златорогая, и одношерстная:
— Вы здравствуйте, детушки родимые!
— Благодарствуем, матушка родимая!
— Где же вы, туры, побыли и где пожили?
— Были мы в Ахте-городе и в Арахове,
Во славном стольном городе во Киевым,
У той были церкви соборныя.
Выходила душа красна девица,
Выносила на руках мала вьюноша,
Клала она на горюч камень,
Сама жалела, слезно плакала.
Мать говорила:
— Глупые вы, туры, неразумные,
По лесу ходите — не знаете вы зверей,
По людям ходите — не знаете вы людей.
Не душа к вам красна девица выходила,
Выходила к вам мать пресвятая богородица,
Выносила на руках книгу евангелье,
Клала она на престол Христов,
Сама бы жалела и слезно плакала.
О вы, детушки родимые,
Постойте за столь(ный) Киев-град
И за дом пресвятую богородицу,
За ту же церковь соборную!
Наступает собака Подольский царь
Со своей со силою со неверною,
Со неверною силою с бусурманскою,
У него силы много множество:
Во межевый день черно ворону не облетати,
Во темную, в осенную ночь
Серому волку не обрыскати.

Никого во Киевым не годилося,
Ни князей, ни бояров,
Ни русских сильных богатырей могучих.
Весма князь закручинился,
Повесил свою буйну голову
Во батюшка во кирпичен пол.
Кручиной ему не откручиниться,
Печалью ему не отпечалиться.
Посылал он слуг верных
По Васеньку голь кабатскую.
Слуги не ослушались, тотчас пошли:
— Ступай-ко, Васенька,
Тобя князь зовет.
— На что он меня зовет, на что требует?
    На то Васька не ослушался,
Приходит ко князю ко Владимиру:
— На что ты, князь, звал, на что требовал?
— Сослужи-ко, Васенька голь кабатская,
Службу несносную!
Наступает собака Подольский царь
Со своей силой со неверной, с бусурманскою,
Силы у него много множество…
    Берет Васенька узду тесмянную,
Выходит Васенька голь кабатская
Ко князю на конюшну,
На которого коня руку накинет — накорачь падает.
Выбрал он по себе коня доброго,
Надевает узду тесмянную,
Накладывает ковры сарачинские,
Седлает он седелышко черкатское,
Шелковых двенадцать подпруг,
Но не для красы — ради крепости.
Берет палицу буевую пятьдесят пудов,
(В)стает он во стременошко булатное,
Садился во седелышко черкатское,
Выбегает он во далече, чисто поле,
Забегает он в силу бусурманскую.
Вперед бежит — делает улицу,
Повернется — делает переулочек.

Выбивает силу бусурманскую.
Бусурманской царь во побег пошел,
За ним Васенька погнался.
Провещился конь мудрым человеческим языком:
— Не бегай, Васенька голь кабатская,
В землю бусурманскую,
Не бегай в землю бусурманскую,
Земля бусурманская хитра-мудра,
Не быть нам обоим живым!
Обратился Васенька во Киев-град,
(В)стречает Васеньку Владимир-князь
С честью, с радостью:
— Чем я тобя, Васенька, буду жаловать?
Возьми ты города с пригородками,
Возьми терема с притеремками!
— Не надо мне города с пригородками,
Не надо терема с притеремками,
Отдай мне три погреба:
Первый погреб — зелена вина,
Второй погреб — пива пьяного,
Третий погреб — сыты медвяной.
— За тем тобе, Васенька, слова нет!

(Записал А. Аазебников в с. Ординском Барнаульского у.)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.